

О ВОСПИТАНИИ

Людви́г ГУРЛИ́ТТ

Для дельных реальных ценностей само собой находятся и нужные мысли и слова. Они лежат уже в них самих.
Людви́г Гу́рли́тт

Глава V. Естественное воспитание

Наш новый воспитательный метод должен носить и новое название. Я бы назвал его естественнонаучным, если бы не думал, что подобным названием можно возбудить подозрение, что желательно создать какую-то новую научную систему, которой можно заранее предсказать судьбу всех систем. Но это подозрение было бы неосновательным, так как тут идёт речь о воспитании, которое соотнобразуется с природой и стремится восстановить права природы. Многие тотчас же скажут: значит, это просто возрождение учения Руссо, которое уже давно сдано опытом в архив. Возврат к природе оказался только парадоксом. Нельзя поощрять воспитание, которое, вместо того чтобы вести нас вперёд, ведёт назад и не только игнорирует все приобретения культуры, но сознательно отрицает их и борется против них.

Совершенно верно. Но об этом и речи не может быть. Ничто, созданное культурой, не должно быть разрушено. Ни одна культурная область, ни одна жизненная область не должны быть замкнутыми для юношества и будущих поколений, ни одна область знания не должна быть ограничена. Наш новый воспитательный метод будет только стремиться к тому, чтобы развитию каждого отдельного человека согласно с его природой, в великом движении национального и человеческого развития, была предоставлена полная самостоятельность, полная свобода. И я не сомневаюсь, что новейшая педагогика достигнет этого, особенно теперь, когда естественные науки, а отчасти и неудача философских теорий очистили ей, так сказать, путь. Если мы в наше время не будем рассматривать ребёнка, как единичное существо, и не станем его оценивать только с момента его рождения как живое существо, но проникнем в тайну рождения, обусловленного миллионами лет существующей истории каждого отдельного ребёнка и начнём воспитание с изучения родителей и исследования вопроса: какие силы и побуждения может путём наследственности принести с собой это новое существо, то это будет означать, что мы рассматриваем эту проблему с естественнонаучной точки зрения. Мы все стали биологами. Даже верующие должны решиться на подобный шаг, если не хотят подвергаться насмешкам учёных. И они признали это, как когда-то, после ожесточённой борьбы, признали учения Кеплера, Галилея, Ньютона, идущие вразрез с их верованиями. Они должны это признать, если не желают быть исключены из рядов живых деятелей. Следовательно, и мы, педагоги, должны стать биологами и подчинить наш педагогический труд познаниям, которые управляют всей нашей умственной жизнью.

Тот, кто научится смотреть на ребёнка как на представителя бесконечного развития, как на венец и сумму всех сил, накопленных целыми веками с незапамятных времён и до наших дней, и кто научится смотреть на это творение с тем же священным трепетом, с каким он смотрит на более низшие создания, например, на здания, возведённые руками человека, — на Парфенон, на Кёльнский собор и т.п., кто даст себе ясный отчёт, сколько миллионов лет потребовалось созидающему в природе, чтобы наконец создать это совершенное творение, тот в немом изумлении опустит руки, и если в нём ещё уцелела хоть капля истинного благочестия, он в молитвенном умилении преклонится перед этим чудом творчества. И он прежде всего воздержится от каких бы то ни было оценок и не заговорит тотчас же о греховности, о добре и зле, малоценности, декадентстве и низменности, а станет выжидательно наблюдать и постарается узнать, что дала ему природа в этом новом творении.

Пусть нам не кидают пошлого упрёка в бессмысленной сентиментальности, в превозношении детей до небес — те самодовольные, умственно близорукие люди, которые мнят этим вызвать презрение к нам и к нашей работе. И эти же люди, которые, не допуская даже

малейшей критики, преклоняют колена пред древним текстом как перед божественным откровением, относятся с большим неуважением к ребёнку — этому гораздо более убедительному откровению мирового творческого духа.

Ребёнок не ответствен за те физические и умственные способности, которые даны ему самой природой. Это данное, с которым педагогу приходится считаться как с чем-то неизбежным, неотвратимым. Мы не можем превратить ребёнка с темными волосами и глазами в блондина со светлыми глазами, и все наши старания в этом направлении будут осуждаться как грубость и физическое насилие. Мы точно также не можем воспитанием сделать из ребёнка с медлительным умом, плохими способностями, трудно усваивающего и лишённого всякого художественного чутья — ребёнка с живым умом, быстрым пониманием и чутко воспринимающего искусство. Вот с чего должна начать свою работу новая педагогика: она должна, наконец, заранее твердо установить границы, последние, так сказать, возможности её труда, дабы не продолжать, как она это делала в течение многих веков, ставить неподходящие требования неподходящим объектам и тем мучить себя и молодёжь.

Есть люди, которые никогда не научаются владеть иностранным языком, и тем не менее это не глупые люди — они только лишены от природы той частичной способности, которая необходима для изучения языков. Другие же люди, обладающие огромными музыкальными способностями и той частичной музыкальной памятью, которая даёт им возможность раз слышанную мелодию тотчас же воспроизвести, — оказываются в других областях умственных и производительных работ совершенно неспособными. Бывает и так, что дети, неспособные научиться какому-нибудь предмету у одного учителя, прекрасно изучают его с другим, и наоборот. И все это зависит не от метода, не от учителя, а от существующей дисгармонии между природой учащихся и учащихся. Гёте когда-то высказал подобную мысль: мы научаемся только от того, кого мы любим. Наше естественное воспитание не потребует ни от одного человека того, к чему ему от природы не даны способности.

Новейший воспитательный метод никогда не потребует от ребёнка того, чего его природа сама не требует. Пусть нам не возражают, что детская природа не способна руководить сама собой, и что поэтому дети без надлежащего постороннего руководства и влияния не будут развиваться и пойдут по ложному пути. Это и есть то старое предвзятое мнение, против которого надо бороться самым решительным образом. И опять те же естественные науки учат нас, что развитие ребёнка неустанно идёт вперёд не только в первые девять месяцев после оплодотворения матери и до дня рождения, но что это, так сказать, методичное развитие всех нужных человеку органов и сил продолжается и после рождения. Человек растёт физически и вместе с тем и умственно. С ростом мозга развиваются мыслительные способности и побуждения к деятельности.

Разум человеческий растёт, так же как растут волосы, а мысль и способность говорить развиваются так же просто и естественно, как и зубы. Средство, которым пользуется природа для развития сил, — есть движение. Нет таких детей, у которых не было бы потребности и побуждения к движению, к деятельности. Если они бездеятельны умственно и физически, то это первый признак, что они больны.

Нормальный ребёнок повинуется бессознательно закону развития посредством того, что мы называем игрой. Педагоги относятся или относились с большим презрением к играм. Полагали, что во всяком случае, с началом посещения школы, игры должны сами собой прекратиться, потому что наступает серьёзная суровая жизнь. Странно, что опять-таки наша эпоха открыла, как серьёзно относится сама природа к играм, и как важны, как необходимы для физического, умственного и морального развития человека эти игры. Только односторонние, близорукие и бессердечные педагоги могли их презирать и полагать, что они допустимы только в первые годы жизни ребёнка, тогда как в действительности они являются до конца жизни каждого здорового человека весёлым, хорошим побуждением к здоровой деятельности. Что такое наши театры, концерты, зрелища, да и всё наше искусство, как не те же игры. Разве наши мрачные и строгие властители школ не знают, что вся, столь восхваляемая ими на словах, культура Греции была именно культура игр. Разве Парфенон, Пропилеи, все

Панафикийские празднества, все представления в театрах Дионисия, все мраморные украшения городов — были созданы для удовлетворения материальных потребностей суровой практической жизни? Не существовали ли они скорее, как и вся философия и почти вся литература, для того, чтобы посредством игр, умственных и физических, смягчить всю суровость жизни и примирять с ней. Игры детей должны, сообразно с требованиями их природы, вновь вступить в свои права, как важнейший и необходимейший стимул детской жизнедеятельности. Педагоги не должны думать, что имеют право мучить детей серьёзным, иногда непосильным трудом, а игры отпускать им малыми дозами в виде премии за благонравие. Все новейшие выводы новой педагогики не что иное, как признание того, что старая, слишком строгая и серьёзная воспитательная практика должна вновь найти путь к вечным, а потому и истинным законам природы. Не одни только люди, но и все звери развивают свои силы игрой. Всё, что молодо на земле, играет. Играли молодые греки, играли молодые римляне, играли дети суровых германцев — наших предков. На старинных египетских фресках видим мы изображения игр молодых египтян. Путешествуя по самым отдалённым странам севера, смотрим мы на игры детей гренландцев и эскимосов, наблюдаем игры детей африканских дикарей, любуемся играми молодых обезьян, весело качающихся на цепких лианах в девственных лесах, видим молодых лисинят, играющих под бдительным надзором матерей, мух и комаров, беспечно играющих в лучах солнца — весь мир повинуется закону природы — потребности игры. И куда бы мы ни направили наш взор, везде видим мы молодое поколение всех земных творений, в играх подготавливающееся к жизненной борьбе. В этой естественной жизнедеятельности принимали участие и взрослые, как только они побеждали жизненные невзгоды и удовлетворяли жизненные потребности. Вечно и неизменно возвращается природа к этой здоровой, бодрой и радостной жизнедеятельности — к играм. И только одни школьные педанты не хотят их признавать. Всё разногласие между учеником и учителем, между школой и домом происходит оттого, что школа, ограничив первыми годами жизни ребёнка игры, хотела положить им конец и противопоставила этой природной потребности ребёнка серьёзный, утомительный труд и все свои строгие требования. До тех пор, пока школьное воспитание, а также и домашнее, будет считать своей задачей и обязанностью вести борьбу против детских игр, до тех пор воспитание будет идти по ложному пути.

Одной из задач воспитания является использование во всех направлениях этого естественного побуждения детей к играм и, сообразуясь с природой, умелого применения их. К сожалению, в короткой статье и в нескольких словах нельзя подробно доказать, сколько необходимых для жизни сил и познаний получается от игры и — в этом заключается наша новейшая задача — какие могут и должны ещё получиться. Я боюсь, что эта мысль, которой лично я придаю огромное значение, будет непонята, а разумный её смысл искажён и превращён в бессмыслицу. Взрослые отнюдь не должны заставлять детей проделывать какие-то бессмысленные, лишённые остроумия и собственной инициативы игры, которые детям никогда не пришли бы в голову, и тем убивать, без всякой пользы, время. Они не должны повторять прежних ошибок старых школьных педагогов. Измышлением искусственно хитроумной системы игр и принуждением детей проделывать их по расписанию, игра превращается в такое же мучение, в какое педагоги превратили разумный труд. Это опять значило бы идти против природы, было бы насилием и неисправимой ошибкой. Ребёнок стал бы тогда с такой же неохотой относиться к игре, как он теперь относится к школьному труду и не видел бы никакой разницы между игрой и работой. Это уже ясно сказалось на практике при применении так называемых Фребелевских игр. Я прекрасно помню из собственного детства, как мало доставляло мне удовольствия хитро придуманное плетение, и оно меня так же раздражало и выводило из себя, как впоследствии механическое списывание грамматических правил. Необходимо составить разумное руководство, в котором главным образом разбирался и разрабатывался бы вопрос: как извлекать возможно больше пользы для развития детей из их природной потребности в играх. Это, как мне кажется, самая необходимая и неотложная педагогическая задача. И я уверен, что среди понимающих и сознающих эту необходимость народных учителей найдётся немало желающих исполнить эту задачу.

Здесь, нет сомнения, последует целый ряд возражений со стороны противников наших воззрений на игры. И вот я хочу заранее устранить самое главное или, вернее, самое обыкновенное из этих возражений. Представители старой педагогики никак не могут отрешиться от предрассудка, что игры означают послабление, и что к ним следует относиться как к чему-то несерьёзному, поверхностному. Они не знают, что в играх требуется и расходуется больше всего сил. Играя сообразно со своей внутренней потребностью, играющий вкладывает в игру высшее, на что он способен. Поэтому мы видим, что играющие дети, да и играющие взрослые напрягают до крайней степени свои силы, часто даже сверх сил. О слабости и изнеженности тут не может быть и речи.

В жизни человеку, а также и ребёнку довольно уготовано самой жизнью препятствий, горестей и страданий, к чему же ещё нам брать на себя роль какой-то строгой мрачной судьбы и искусственно увеличивать их горести и страдания. У детей, как и у взрослых, болят зубы, живот, голова, дети падают, расшибают в кровь колени и руки, головы, набивают себе синяки, режут, обжигают, обваривают себя и все это проделывают по неопытности чаще, чем взрослые. Многие болезни — корь, скарлатина, коклюш, дифтерит, как бы созданы для них. Между детьми встречаются слепые, хромые, калеки, горбатые, немало и нервных, сердечно больных, припадочных. К этому следует прибавить множество душевных страданий, так как есть дети некрасивые, физически слабые, неспособные. Но и среди здоровых, нормальных детей немало душевно страдают от одиночества, заброшенности, насмешек, пренебрежения. Какой мучительный страх испытывают некоторые из них в тёмных комнатах, среди чужих, когда на них накидываются собаки, привязываются пьяные, когда они заблудятся, или когда взрослые назойливо пристают к ним с пошлыми фамильярностями — а, к сожалению, почти каждый считает себя вправе это делать. Как полон весь неизвестный им мир страшных видений и ужасов, полон воображаемых и действительных опасностей и горестей! Как часто страдают они от жизненной несправедливости и несправедливых обвинений! Генрих Зейме рассказывает, что отец его — в общем, очень справедливый человек, заподозрив его, пятилетнего мальчика, в краже золотой монеты, почти до смерти избил, вымогая у него признание в несовершенном им поступке. А через несколько дней оказалось, что монету украл сын соседа. Это пример, произвольно взятый из целого ряда подобных фактов в прошлом и настоящем. Дети теряют любимые предметы, оплакивают смерть близких, горюют по сломанной кукле, умершей канарейке, пропавшей собаке. Они душевно страдают сильнее взрослых от недостатка любви родных, неверности друзей, несправедливых укоров и строгих кар, от пренебрежения и дурного обращения близких и товарищей, учителей и власть над ними имущих. Уже в детстве познают они всю жестокость жизни, и переживаемые впервые страдания действуют потрясающе на их юные души.

В берлинских школах за четырнадцатилетний период времени отмечено 165 самоубийств, детей моложе 15 лет. Причины, заставившие их прибегнуть к самоубийству, следующие: жестокое и несправедливое обращение, страх наказания или провал на экзаменах. Основанные за последние годы общества защиты внебрачных детей, охранения детей от жестокого обращения и эксплуатации детского труда раскрывают пред нашими глазами ужасающие картины детских страданий и нищеты. Не проходит дня, чтобы газеты не сообщали какого-нибудь возмутительного факта зверского обращения с детьми, о самоубийстве матери с детьми, решившейся лучше разом покончить со всем, чем видеть, как страдают дети от лишений и голода, о детях, продающих на улицах в жестокую стужу спички, почти окончивших, но не решающихся, несмотря на все уговоры прохожих, идти домой, из страха жестоких побоев за то, что недостаточно выручили денег. Как-то прочел я о самоубийстве мальчика «из-за отца»: он предпочёл смерть стыду за вечно пьяного отца.

Воистину детям вполне достаточно таких страданий, которые им приходится выносить, пока они хоть несколько не ориентируются в этом жестоком мире — к чему ещё подбавлять искусственной горечи в их, и без того полную горечи, жизненную чашу.

Даже в тех многочисленных случаях, когда родители, в избытке любви к детям, доставляют им слишком много и неправильно выбранных радостей, страдают дети от подобного

безрассудства родителей. Пусть не думают, что все эти разряженные, прилизанные и выставленные напоказ тщеславными родителями молодые куколки чувствуют себя счастливыми в окружающей их роскошной обстановке, — нет, они страдают подобно пойманной птичке в золотой клетке. Все эти запрещения и наставления о том, как им нужно вести себя, которыми гувернантки и матери стесняют и ограничивают все жизненные проявления их детской природы, не позволяют им даже в играх испытывать беззаботное веселье, а главное, не допускают их до того, что можно назвать величайшим жизненным счастьем, — до здорового и самостоятельного развития их сил. Страдания, причиняемые переполненным и испорченным слишком обильной пищей желудком, не менее мучительны страданий голодающего. Искусственно воспитанные дети, действительной природы которых никто не понял, не принял во внимание, никогда не познают настоящего полного счастья. Потому что счастье, которого не следует искать вне человека, может только развиваться в самом человеке и заключается во внутренней гармонии, в равномерном и правильном развитии всех сил и в правильном применении этих сил к окружающему. Но для этого нужна самостоятельность. Другой не может дать нам счастья, не может даже подготовить нам его. Каждое счастье и счастье каждого должно быть добыто самостоятельно. Дети, вечно охраняемые, вечно руководимые, проходят мимо счастья. Человек должен сам себя познать или, вернее, найти себя, а затем в самом себе и счастье. Чтобы найти себя, надо прежде всего испробовать свои силы, но для этого надо быть свободным от всяких помочей, от всяких указок и выполнять то, что возможно выполнить собственными силами. Первый успех собственной воли и собственной силы есть вместе с тем и первый луч счастья, и сознание свободы. Подобно тому, как собака, впервые поймавшая дичь, заливается неистовым радостным лаем, так и ребёнок приходит в неистовый восторг от первых проявлений и действий своих собственных сил, от удачи первых самостоятельных шагов по комнате загораются счастьем глаза ребёнка, первый самостоятельно удавшийся рисунок, будь то самая плачевная пачкотня, пробуждает в ребёнке такое же чувство высокого удовлетворения, какое испытывает художник, создав настоящее произведение искусства.

Кто желает воспитать детей к деятельной жизни, дать им возможность развить все силы, познать настоящее счастье, тот должен как можно раньше предоставить их собственному самостоятельному творческому стремлению. Наше теперешнее воспитание тиранически следящее за каждым шагом и предписывающее все цели, все задачи, разрушает своим педантическим насилием все элементарные природные силы, стремящиеся к свободному развитию. Решение задачи, навязанной чужой волей и чужим произволом, редко может удовлетворить здоровое самолюбие деятельной воли. И вот для пробуждения самолюбия прибегают к искусственным поощрениям, к похвале и порицанию, к баллам и наградам. Подобными приманками и побуждениями действует принятая система воспитания и обесценивает таким образом труд и связанные с трудом силы. Значит, и тут должен воцариться лозунг: союз с природой и следование всем её вечным законам. Мы проповедуем не возвращение вспять — нет, мы и шагу не сделаем назад. Мы идём всё вперёд, мы боремся против всего, что позади нас, как стесняющего и ограничивающего нашу свободу. Итак, не возврат к природе, а уважение и признание природы, и свобода действия природы. Является ещё второе возражение, много раз и раньше опровергнутое, но такое живучее, что оно вновь выступает против нас, чтобы ещё раз быть опровергнутым. Природа греховна, говорят нам, и дети, предоставленные самим себе, могут легко подпасть заблуждениям. Что можно ответить на это? Прежде всего мы должны постараться определённо разъяснить это возражение. Что называют или считают наши противники детской греховностью, детскими проступками и ошибками? Мы перечислим самые ужасные, самые худшие: употребление самых скверных ругательств, истязания животных и товарищей, половые заблуждения и извращения.

Откуда явилось это у детей? Отчасти от подражания, частью от врождённых потребностей, а также и от наивного побуждения к познанию всего. Во всех случаях несомненно проявляется природа. Наши противники поставят нам тотчас же на вид, что, значит, мы должны признавать эти проявления природы и даже допускать их, если мы действительно серьёзно относимся к проповедуемому нами естественному воспитанию. Может ли быть сомнение в

том, что мы будем бороться против всех этих проявлений, как будем бороться против побуждения к саморазрушению, а также против разрушения и нанесения какого бы то ни было вреда такой же равноправной жизни другого существа. Мы не позволим ребёнку выпасть из окна или выбросить другого — на одном и том же основании. Мы не позволим ребёнку проявлять чем-либо половую деятельность — опять-таки на том же основании, что даже этим можем нанести вред или даже разрушить собственную природу. Разница между ними и приверженцами старой морали заключается в оценке этих проявлений и обращений с ними. Мы видим в них выражение отчасти слабой, неуверенной, а отчасти и необузданной природы. Если ребёнок — придержимся этого одного примера — сам вызывает у себя половое возбуждение, то он вначале и не подозревает, что делает что-либо недозволенное или преступное. Быть может, побуждение к этому возбуждению лежит в самой его природе, или же это вина случая, или же любопытство и побуждение к игре наталкивает на это ребёнка, как на новую игру. Только вызванное этим чувство удовольствия, которое принципиально не отличается от какого бы то ни было другого ощущения удовольствия, побуждает его продолжать эту игру. Но эти первые попытки могут превратиться в болезненную и вредную привычку. Каждый из нас согласится, что тут не может быть вопроса о нравственности, и безнравственности. Только когда явится запрещение, и тем пробудится совесть ребёнка, и начнётся борьба между волей и чувственностью — тогда только получается нравственная проблема.

Но вопрос о вине таким образом ещё совершенно не разрешён. Потому что ребёнок не ответствен за силу своей воли. Поэтому совершенно правильно наши врачи не говорят теперь больше о порочных, а о больных детях. Они знают, что эти извращения находят своё объяснение большей частью в слабой или ослабленной нервной системе. В этом случае воспитатель должен помочь слабой природе. Это надо сделать не запугиванием и наказаниями, которые вызовут новое расстройство нервов, но именно укреплением, сначала укреплением тела, а этим также и воли.

Второй пример: жестокое обращение с животными. Это старое наследство первобытных времён человечества, оно вновь оживает в каждом человеке.

Совершенные культурные люди считают себя вправе истреблять всех так называемых диких зверей. Наши охотники отыскивают этих животных в самых отдалённых и скрытых уголках земли, чтобы убивать их. Они действуют таким образом не из необходимой самообороны. Ни лев, ни тигр не угрожают нашей жизни в городах. Теперь стали с ужасом замечать, что некоторые ценные животные, которых никогда ничем нельзя будет заменить, исчезают с лица земли. Тогда, наконец, пробуждается совесть в человеке, и вопрос об охране животных вступает в совершенно новую стадию. Там, где, значит, и взрослые не имеют вполне твердых норм для своего собственного поведения, им не подходит также выступать в роли суровых законодателей и судей по отношению к детям. Мы, например, совершенно не знаем, как разовьётся мораль по отношению к защите животных, когда наши дети станут взрослыми. Всё это так сильно меняется, наши ближние так различны между собою и так непоследовательны в своей оценке.

Чтобы не закончить здесь вопросительным знаком и не представить противникам возможности дешёвой победы над нами, мы заключим эту главу правилом, которое поймёт всякий ребёнок и одобрит всякий взрослый: мы внушим ребёнку с детства следующее правило «Не делай никогда другому того, чего ты не хочешь, чтобы делали тебе». Когда же не помогут все выговоры и увещания, то мы ту же справедливость, которая господствует в природе, восстановим у нас, людей, уже в детской, тем, что заставим ребёнка искупить ту боль, которую он причинил своему ближнему или животному, соответственной болью на самом себе. Обыкновенно ребёнок ничего не знает о том, что немая тварь — животное, тоже испытывает боль. Высоко стоящие в культурном отношении народы, живущие у Средиземного моря, также отклоняют от себя всякие упреки в дурном обращении с животными, потому что: «*La bestia non e christiano*». Здесь мы видим старую вину тех воспитателей, которые всегда проповедовали человеку, что он стоит совершенно отдельно и выше всех в природе, и таким образом убивали в нём сочувствие и сострадание к другим животным существам. Если наши

дети и теперь ещё жестоки, то в них говорит не только одна природа, но также и дурная традиция и дурной пример: зачем их отцы ходят на охоту? Зачем они принимают участие в травле животных? В облавах на животных? Почему они находят удовольствие в дрессировке животных? Зачем они допускают и поддерживают откармливание животных? Почему они держат птицу в клетках? Зачем матери носят птички чучела на своих шляпах? Зачем гастрономы едят дроздов и жаворонков? Почему они допускают, чтобы с угрей живьем сдирали кожу? Почему они кипятят живых раков? Зачем они рассылают в корзинках живых омаров и потом отламывают им члены? Одним словом, зачем отцы терпят вокруг себя все эти ужасные жестокости, если они так серьезно озабочены нравственным и гуманным воспитанием своих детей?

Мы не должны, значит, обвинять природу в том, в чём мы должны обвинять самих себя. Те инстинкты, которыми природа одарила человека, нужны для жизни и деятельности человека. Это есть и останется нашим убеждением. Нам же остаётся только задача сделать наш разум, который также есть часть природы, руководителем нашей жизни. Это не означает ни убивать, ни уклоняться от природы, это означает только свободную совместную работу. Один инстинкт не должен брать верх над другими; одна натура не должна уничтожать другой; разум должен управлять природой в отдельной жизни, как хорошее правительство управляет целым народом.

Разумная склонность к подвижным играм, использованная и педагогически применяемая, развивает в молодёжи много личных и социальных сил без существенного содействия воспитателя. При самостоятельно избираемых массовых играх каждый участник должен приспособиться и подчиниться существующим правилам игры. Это развивает правосознание, представляет поле для благородного состязания во всех мужских добродетелях: в ловкости, силе, выдержке, твёрдости, чувстве товарищества, в быстро и сознательно принимаемых решениях и поступках. Этим молодёжь сама лучше подготавливает себя для социальной жизни, чем это могут сделать теоретические наставления воспитателей. Последнее убеждение применяется с особенной пользой уже в Англии, Америке и Швейцарии.

Но в игре развиваются также лучше и естественнее всего все богатые, дремлющие в ребёнке силы фантазии и творчества, сообразительность и дар изобретательности, а вместе с этим способности и силы для творческой работы. На этих данных основаны те блестящие успехи, которых достигают в школах преподаванием ручного труда; ими же свободный союз «Игра и работа» в Берлине начал борьбу с устаревшей воспитательной и школьной системой.

Мы требуем воспитания, которое согласуется также с производительной жизнью страны и делает молодёжь дельной и пригодной для этой жизни во всех отношениях. Мы хотим, чтобы ежедневный опыт был живой почвой всех наставлений, и чтобы всё, чему научается ребёнок, находило также своё полезное применение к жизни. Мы относимся к культуре не как к противоположности природы, а как к её улучшению и возвышению, и служим ей поэтому с полной преданностью, но служим разумно. Она должна давать возможность человеку развиваться индивидуально и по тому закону, который родился вместе с ним. Мы, таким образом, не избегаем, нет — мы ищем связи с современной культурной жизнью, мы пользуемся всеми новыми приобретениями и успехами культуры, не переоценивая все-таки через меру всё то, что достигнуто ею. Мы разделяем также все блуждания в религиозной и моральной области, потому что не верим в «вечные ценности», находим, что все движется и меняется.

Воспитание по законам природы должно считаться с потребностями детей, служить им и видеть в каждом ребёнке, как на живом примере, повторение всей истории культуры. На всяком ребёнке можно изучать биологические законы физического и духовного развития: всякий ребёнок бессознательно повторяет ещё раз культурный подъём человечества, благодаря которому низшие существа развились в охотников, скотоводов, воинов, земледельцев и горожан. Если мы каждый раз сознательно идём по этому пути, то даём возможность молодёжи развиваться совершенно естественным путём, по которому она следует с внутренним удовлетворением и очень охотно. Когда мы относимся, таким образом, к ребёнку, как продукту культуры и эволюции, когда поощряем его к самостоятельности, когда при этом пра-

вильно руководим им, то воспитываем его не антикультурно, а при посредстве природы истинно культурно. Это то, к чему стремимся мы, реформаторы в деле воспитания.

Глава VI. Пример и привычка

Теоретически-философский разбор вопроса о сущности добродетели и порока здесь неуместен. Но первый закон для всякого живого существа — это закон самосохранения. Без эгоизма не существовало бы инстинктов осторожности, мужества; не было бы борьбы, победы. Без эгоизма человек отказался бы от своей жены, своего жилья. Без эгоизма не было бы толчка для работы, для изобретения. Без эгоизма все живые существа погрузились бы в ленивое, безразличное состояние. Поэтому природа ребёнка уже наделяет неумолимо-строгим чувством себялюбия. Своим первым криком, которым он требует пищи, ребёнок даёт знать о своём твёрдом желании жить и получить от матери, или той, которая заменяет ему мать, возможность сохранения своей жизни. Но тот самый источник, который здесь признаётся нами главным и истинным источником жизни, порождает, конечно, также целый ряд страстей и насильственных поступков, которые мы называем порочными: необузданную дикость, чувство мести, жестокость, упрямство, закоснелость, ложь, хитрость, обман, убийство и смерть. Все проявления этих свойств человеческой природы классифицируются в зависимости от пользы, приносимой ими обществу, то добродетелью, то пороком. Но человек нуждается во всех этих свойствах, и потому мы не должны с самого начала бороться и уничтожать их до основания. На войне нам нужна страстная, а также хитрая, упорная и способная на насилия воля. Нам нужно также любопытство детей, иначе откуда же может произойти тогда жажда знания и образования взрослых? Нам нужно легкомыслие, иначе откуда же возьмётся тогда отвага мореплавателей и ищущих новые неведомые страны путешественников? Нам нужна рассеянность детей. Если бы их ум уже с детства отдавался во власть отдельным и единичным впечатлениям и задерживался бы на них, то дети не могли бы освоиться и переработать всего громадного количества впечатлений окружающего их мира. Рассеянные дети — это дети с разнообразными интересами. Хмурая старческая педагогика повторяет постоянно одну и ту же ошибку, когда она считает своим долгом уничтожить все условия, данные ребёнку самой природой для нормальной жизни, только для того, чтобы в ребёнке уже выработать существо, которое отвечало бы требованиям стариков. Конечной целью, унаследованной нами педагогикой, является, во всех отношениях ещё и теперь желание привить ребёнку свою страсть. Ребёнок не должен оставаться ребёнком. Детские свойства не должны считаться добродетелями: как известно, юность не имеет никаких добродетелей. Только старики добродетельны. А между тем все эти свойства так всецело необходимы для выработки из ребёнка того, к чему стремится природа и к чему должны были бы стремиться и мы: а именно — свободной самодержавной личности!

Природа и здесь даёт нам правильное указание, каким образом общество может посредством примеров, им самим созданных, просто силой привычки, воспитать в духе социальных требований каждого нового члена общества. Кто даёт детям возможность знакомиться и освоиться с жизнью взрослых, как это делают животные, которые не знают отделения от себя детёнышей, тот не нуждается в том, чтобы воспитывать своих детей многословными нравовыми учениями. Пример впечатления и опыт — всё это действует само по себе. Слово «воспитание» мы можем вычеркнуть, а вместо него поставить слово «пример». Мы должны показывать этот пример детям только в процессе самой жизни, — кто это умеет, тот истинный отец, воспитатель, властелин; кто этого не умеет, тому никакие умные речи не помогут. Авторитет, который в то же самое время не пример — действует деморализующе, тем более деморализующе, чем более он морализирует на словах. Самое молчаливое воспитание — самое лучшее воспитание. Правильное воспитание должно быть молчаливым, потому что разумное не нуждается в объяснении. Если наше современное городское воспитание дома и в школе жалуется на бессилие своего авторитета, то этим оно само себя обвиняет. Нет ничего удивительного, если дети не признают смысла изучения грамматики, обязательности изучения иностранных язы-

ков и поэтому отрицают всю эту часть школьной программы как нечто чужое, насильственное, противное природе и скучное. Чем разумнее воспитание, тем оно легче. Разумное понимается само собой. Разумное является также естественным. Таким образом, все наши рассуждения приводят нас к той основной истине, что и воспитание также болеет и гибнет, если оно удаляется от верного пути природы. Все искусственные и тонко придуманные цели и методы воспитания должны навлекать на себя подозрение в том, что они насилуют природу. Самое скромное, что требует меньше всего напряжения ума и меньше всего вызывает восхищение в других, и здесь самое здоровое и разумное.

Было бы трудно в этих тесных рамках показать и объяснить, как ложно наше школьное воспитание, постоянно отягощаемое столетними традициями, и как мало у нас средств, чтобы из нашей неуютной запутанной, мрачной школьной системы воздвигнуть здание, которое соответствовало бы всем современным потребностям. Самая существенная наша ошибка заключается в том, что мы не осмеливаемся похоронить всё отжившее и мёртвое, и из-за ложного движения к прошлому, забываем гораздо более необходимое уважение к будущему: мы хотим удовлетворить учёные требования различных почтенных старцев и считаем это важным, вместо того, чтобы думать и заботиться об единственно важной для нас вещи — о благе детей. Воспитание вступило на ложный путь с того самого дня, когда в первый раз дети были отняты у родителей, которые, таким образом, не могли быть больше для них примером. Каким бы парадоксом это ни звучало, мы должны сказать, что больше всего воспитание пострадало от профессиональных воспитателей. Самое естественное и само собой понятное — это то, чтобы сын был лучше его, лучше, благодаря тому, что он использует житейский опыт своего отца. В этом обстоятельстве лежит возможность его совершенствования и успеха. Так дело обстоит в средние века, в рыцарском и городском сословиях, так оно обстоит в главных своих чертах и в наше время в крестьянском сословии. И теперь было бы лучше для большинства детей из среднего, городского сословия, если бы они принимали участие в жизни своих отцов, девочки — своих матерей. Здесь они могли бы видеть многое, что им потом пригодится в жизни; пользоваться и жить в атмосфере истинного, устойчивого духа семьи, здорового домашнего ухода, наслаждаться таким образом вообще всеми благами заложенной в семье культуры, которых мы здесь не можем охватить в немногих словах. Это было бы гораздо лучше, чем посылать их с юных лет в школы, где чужие люди хотят вести их к далеким, непонятным для них целям. Всё, чем дети занимаются в школе изо дня в день, из года в год, имеет слишком мало живого отношения к их домашней жизни, слишком мало связано со всеми накопленными детьми до их школьной жизни впечатлениями и вынесенным ими опытом. Трагическая сторона нашего школьного воспитания заключается в том, что оно всецело игнорирует первые и важнейшие годы жизни ребёнка, что оно на шестом году его жизни вырывает между ним и его прежней жизнью пропасть, через которую никогда потом не может образоваться настоящий мост. Ребёнок, который в первые шесть лет своей жизни накопил, согласно природе, а потому и разумным путём на примере своих родителей и в духе общества окружающего его мира громадное количество впечатлений и сведений, не находит в школе старого направления продолжения своей жизни и опыта. Мало того, школа враждебно относится к прежним сведениям и опыту ребёнка и учит его находить ложными и ненужными множество вещей, которые до сих пор считались для него необходимыми и само собой понятными.

Естественный родной язык ребёнка становится в школе предметом критики и научного разбирательства. При этом ребёнок узнаёт, что он неправильно говорит, хотя он говорит ведь на языке своих родителей. Он узнает таким образом, к своему величайшему изумлению, что даже его родители, в которых он до сих пор видел и почитал воплощение человеческой мудрости, не могут удовлетворить требования учителя. Ребёнок начинает поэтому недоверчиво относиться ко всему, что он прежде знал и любил. Он скоро приучается также презирать домашние занятия матери, ремесло или занятие своего отца. Построенная на принципе древнеримской *schola*, с её несправедливой переоценкой формальной умственной работы и презрением к ремеслу и всякому физическому труду, наша школа уже с детства прививает ре-

бёнку губительно-гордое сознание, что он своей умственной работой делает нечто гораздо высшее и более важное, чем отец и мать дома. Тогда начинает бледнеть пример родителей. Учитель наследует родительский авторитет, что приводит к противоречию между домом и школой; от этого страдает авторитет и дома, и школы. Самый частый и справедливый упрёк, делаемый нашей школой, это тот, что она отчуждает детей от семьи и от жизни. Хотя школа утверждает, что она prepares детей для жизни, но она выбирает для этого неподходящие средства. Не надо готовить для жизни людей, которые сами уже принимают в ней участие.

И ребёнок ведь живёт уже в жизни, и нужно только заботиться о том, чтобы он оставался в ней. Школа должна была бы быть не чем иным, как союзом общежития, она должна таким образом стать тем, чем хотим её сделать мы — школьные реформаторы: школой для жизни, между тем как до сих пор она была школой для учения.

Наши учителя только теперь пришли к интересному открытию, что и для школы лучше всего, когда она непосредственно связана с собственной жизнью и с собственным опытом детей. Счастливые и успешные усилия наших народных учителей спустили детское сочинение с его заоблачных высот и сделали его тем, чем оно всегда должно было бы быть: свидетельством и описанием пережитых самими детьми впечатлений и событий. Очень удачная реформа проведена также и в преподавании рисования, которое, отказавшись от своей прежней принудительной системы, старается развивать непосредственно заложенные уже в маленьком ребёнке изобразительные способности. Плодотворен также новый метод преподавания ручного труда, который даёт возможность ребёнку практически упражняться в измерении, вычислениях, счёте, построении, вместо того, чтобы преподавать ему эти предметы, как это делалось раньше, по математическим книгам, чисто теоретическим образом, как нечто совершенно для него новое, и в строгом, чисто умственном, логическом порядке. Одним словом, новые успехи во всех методах обучения детей — это признание нашего требования брать за исходный пункт дальнейшего развития ребёнка его природу и её потребности, а также сильный в нём инстинкт подражания.

Последнее утверждение приводит нас естественно к критике тех людей и их работы, которые государством и по своему внутреннему убеждению призваны в наше время к воспитанию юношества и должны таким образом также служить образцом для домашнего воспитания. Учитель должен быть примером для юношества. Это признавали и этого требовали во все времена. Чем же, должны мы спросить теперь, удовлетворяет этому требованию современный учитель?

Если мы рассматриваем это требование в широком смысле, то учитель должен воспитать из юношей учителей же. Деятельность учителя может служить примером только для будущего учителя. Хотя наша школа утверждает, что её учителя могут служить примером и для других будущих профессий своих учеников и указывает при этом на добросовестность учителей, на их образ жизни, на верность своим обязанностям. Ученик должен глубоко запечатлеть в своей памяти, как образцовый пример для собственной своей будущей жизненной деятельности, точность и аккуратность, с которой учитель является на службу, заботливость и тщательность, с которыми он исправляет ученические тетради и с которыми старается пройти с ними изучаемый предмет. Конечно, без влияния все это не может остаться. Но это влияние далеко не такое сильное, каким оно могло и должно было бы быть, если бы ребёнок видел перед собой работника, которого он мог бы наблюдать в различных положениях жизни, видеть и за другими занятиями, а главное постигнуть благодаря ему общий идеал и цель работы. Такой, по мнению многих учеников, потраченный на недостойный объект, труд, как, например, исправление тетрадей, рассматривается многими учениками, скорее, как тягостный педантизм и скучная подневольная работа, чем деятельность, достойная подражания. Они по праву желали бы видеть перед собой людей, а там, где речь идёт о девушках, также женщин — подчёркивать это в каждом отдельном случае я считаю лишним — они хотят, значит, видеть перед собой живые примеры людей, борющихся ради какой-нибудь трудной цели. Какой-нибудь физически сильный и смелый борец может служить для здорового и сильного

мальчика гораздо лучшим примером и сильнее воодушевлять его собой, чем добросовестный чиновник.

Дети, которые действительно видят в своих учителях жизненный пример для себя, обыкновенно уже перестали быть детьми благодаря тяжёлому школьному режиму. У детей существует сильная потребность проявлять свои силы в какой-нибудь деятельности, они хотят живой работы, а не проводить свои лучшие годы попусту, в теоретической подготовке для этой будущей работы. Ведь никому не приходит в голову подготавливать в продолжение многих лет какого-нибудь молодого ремесленника, каменщика или плотника для его будущей профессии путём лекций или заставляя его заучивать наизусть какие-нибудь научные положения. Нет, здесь поступают иначе и вполне разумно: ученика берут возможно раньше с собой на место постройки или в строительную контору. Только учитель, работающий над своей высокой задачей с полной затратой всех своих сил, может стать для учеников примером, которому они захотят подражать. В какой бы области ни работал воспитатель юношества, он, во всяком случае, должен быть в этой области всегда передовым борцом. Только поучать — это не есть, само по себе, самодовлеющее призвание. Поучение должно, при полной и всесторонней мужественной работе, отпасть, так как оно только сопровождающее явление. Кто подаёт собой настоящий пример, не должен заботиться и трудиться над дальнейшим. Бисмарк не создал в собственной бисмарковской школе ни одного подобного ему по уму и патриотизму дипломата, Гёте ни одной мыслью не позаботился об основании Гётевской школы. Где работает и творит мастер, там само собой являются и ученики, которые учатся у него, смотря на его пальцы, которыми он работает над своим произведением. Наши школы дают хорошие результаты там, где ученики учатся на примерах людей, выдающихся в научной или художественной областях, самые лучшие результаты получаются поэтому в мастерских художников и в лабораториях выдающихся естествоиспытателей и врачей. И в наших средних школах дело хорошо поставлено там, где учителя являются одновременно и работающими учёными или художниками. Конечно, такие учителя должны иметь разрешение отступать от педантичной школьной программы, чтобы показывать своим ученикам всё существенное из их собственной творческой работы. Специализация различных отраслей знания имела всё-таки, может быть, главным образом дурное влияние на всё дело воспитания, так как оно разрушило личное влияние на учеников. Наши ученики предоставлены теперь целому ряду специалистов, которые довольствуются передачей им совершенно готовых уже специальных познаний. Ушедший весь таким образом в свою учительскую профессию воспитатель не имеет зачастую ни времени, ни желания, чтобы следить за последними задачами своей науки, именно потому, что он весь уходит и должен уходить в свою *учительскую* обязанность. Всё учение и вся педагогика ставят, таким образом, перед собой абсолютную цель. Учитель не является больше человеком, который, напрягая все свои силы, работает для высокой жизненной цели на границе между областью знания и общественной жизни, а стал посредником в передаче знаний уже прожитой жизни и таким образом только хранителем традиции, гувернёром детей. Отсюда происходит то, что и к нему легко прививается что-то детское. Учитель постоянно снисходит к детям, старается понять их духовную жизнь, их мысли; отсюда — невозможность развития в себе самом зрелой личности. Отсюда, вероятно, происходит и то, что во все времена придавало смешной оттенок званию учителя и что заставляло зачастую последнего становиться в позу властелина. Среди людей дела учитель представляется нам не вполне равным им. На основании, может быть, и вполне справедливых соображений, мы отдаём учителю должную ему честь, но наше внутреннее чувство не хочет с этим согласиться. Он есть и остаётся всё-таки для нас школьным учителем и, когда рядом с ним появляется военный, который получил на поле сражения железный крест, или мореплаватель, который сто раз перенёс морские бури; строитель, который разрешил трудную строительную проблему; политик, который совершил важный для своего народа акт, — учитель кажется нам человеком со скромными жизненными задачами. Этого не было бы, если бы учитель опять стал принимать участие в широком потоке жизни, если бы он опять вступил в ряды передовых борцов, подобно тому, как прежде передовые борцы жизни стали нашими учителями. Наши

власти требуют, чтобы учитель был только чиновником и только учителем и, если бы он, например, стал заниматься политикой, то его легко заподозрили бы в неисполнении обязанностей и в отступлении от долга. В прежние времена, когда большинство учеников классических гимназий становилось опять-таки филологами, профессорами филологии в университетах или учителями гимназий, учитель некоторым образом мог служить примером для учеников. В наше время ученик ищет уже *во время* своего школьного учения примеры для своей будущей жизни вне школы, и в уме своём он уже давно решил стать офицером, капитаном, инженером или художником, в то время, как учитель в самом лучшем случае, даёт ему только теоретическую подготовку для всех этих профессий.

Воспитатель должен быть примером для ученика не только во время немногих лет, проводимых последним в школе, но, если возможно, и для дальнейшей его жизни. Для этой цели наши учителя, в особенности народные, должны были бы перестать выступать в качестве регентов хоров, канцеляристов или конторских писцов; зато они, должны вместо этого приобрести познания в сельском хозяйстве, всевозможных видах ручного труда, освоиться с ремёслами и вообще всякого рода практическими работами. Вместо этого, чтобы заниматься постоянно грамматическим разбором предложений и толкованием непонятных изречений в Библии, учителя должны водить детей в сады и огороды, показывать им, как надо возделывать овощи, сажать плодовые деревья, разводить пчёл. Они должны также объяснять детям, что такое ветер, солнце, луна, времена года и их особенности. Ученики должны ходить в мастерские и там прилежно работать в качестве столяров, плотников, слесарей. Сельский учитель должен быть не только самым знающим, но и самым нужным и практичным человеком в своей деревне. Он должен быть человеком, с которым крестьянин охотно беседует о земледелии, о постройке домов, о проложении дорог, канализации и железнодорожном сообщении. Если бы учитель мог бы также сам сделать себе мебель, украсить стены своего дома картинами в рамках своей же работы, каким удивительным человеком он был бы тогда в глазах своих учеников! Тогда всё то, чему обучают детей в школе, стояло бы в живой связи с жизнью, со всем тем, что ценно в ней. Для дельных, реальных ценностей само собой находятся и нужные мысли и слова. Они лежат уже в них самих.

Истинная и правильная педагогика должна и в дальнейшем спуститься с облаков и стать на сильные, крепкие ноги; она должна освободиться от идеи и ложного идеализма, чтобы снова стать разумной; она должна также освободиться от абстракции и схем.